

УДК 929(47) Распутин
ББК 63.3(2)6-8 Распутин
P15

Радзинский, Эдвард Станиславович.

P15 Распутин. Жизнь и смерть / Эдвард Радзинский. — Москва :
Издательство АСТ, 2019. — 512 с. — (Эдвард Радзинский.
Лучшее).

ISBN 978-5-17-116651-9

Это был воистину русский парадокс. В стране «Домостроя», где многочисленные народные пословицы довольно искренне описывали положение женщины: «Курица не птица, баба не человек», «Кому воду носить? Бабе! Кому битой быть? Бабе! За что? За то, что баба», — весь XVIII век русским государством самодержавно правили пять женщин-императриц и одна Правительница.

Все наши коронованные дамы были необычайно воинственны и сумели оставить в наследство XIX веку и мужчинам-императорам необъятную страну, с необъятными проблемами, которые в конце концов привели страну к катастрофе...

УДК 929(47) Распутин
ББК 63.3(2)6-8 Распутин

ISBN 978-5-17-116651-9

© Оформление. ООО «Издательство «АСТ», 2019

ПРОЛОГ. ОХОТА ЗА ДОКУМЕНТАМИ

ТАЙНА

Накануне Рождества Христова, 19 декабря 1916 года (в том последнем декабре Романовской империи) в Петрограде на речке Малая Невка всплыл труп — покрытый ледяной коркой, с изуродованным лицом. Поражали руки — связанные руки были подняты. Будто там, подо льдом, избитый и простреленный человек все еще жил, все пытался освободиться от пут...

Как напишет в отчете полиция, множество людей с флягами, кувшинами и ведрами устремились в те дни к реке. Они черпали воду, где еще недавно плавало страшное тело, они словно надеялись зачерпнуть с водой и дьявольскую, неправдоподобную силу этого таинственного человека, о котором знала вся Россия.

Я всегда опасался писать о нем. И не только потому, что в теме есть привкус вульгарности: Распутин — один из самых популярных мифов массовой культуры XX века. Опасался, потому что не понимал его, хотя прочел о нем множество книг. Многие написаны были весьма добросовестно, но под пером исследователей исчезало главное — его тайна.

Его лицо (запечатленное на множестве фотографий) довольно одинаково описывается людьми, встречавшимися с ним: обветренное, опаленное солнцем морщинистое лицо пожилого русского крестьянина — узкое, с крупным бугристым носом, полными плотоядными губами и длинной бородой. Волосы разделены на пробор и начесаны на лоб, чтобы скрыть (по словам его дочери) странную шишку высоко на лбу, напоминающую зачаток рога... Его глаза, также одинаково описанные разными свидетелями, притягивают даже

на фотографиях. «Этот мгновенно загорающийся магнетический взгляд светлых глаз, в которых смотрит не один зрачок, а весь глаз» (Жуковская); «глубоко сидящие глаза... долго выдержать его глаза невозможно» (Джанумова); «гипнотическая сила, которая светилась в его необыкновенных глазах» (Хвостов)...

Но далее начинается тайна: очевидцы описывают совершенно разное. В свое время я не без удовольствия выписал все эти противоречия: «высокий», «невысокий», «по-крестьянски опрятный», «грязный и неряшливый», «худой», «коренастый с широкими плечами»... Певица Беллинг, много раз видевшая Распутина, пишет о его «гнилых зубах и зловонном дыхании». А писательница Жуковская, весьма близко его знавшая, сообщает: «Зубы были у него безукоризненные и все до одного целы, а дыхание совершенно свежее... белые хлебные зубы, — крепкие, точно звериные...» «Рот был очень велик, но вместо зубов в нем виделись какие-то черные корешки», — пишет его секретарь Симанович. «Крепкие белые зубы» увидел у Распутина его почитатель Сазонов...

Он зыбок, он странно меняется. Очень точно сказала о нем великая княгиня Ольга, сестра последнего царя: «Он *менялся, как хамелеон*». О том же пишут и другие: «Когда вспомнишь эту его *диковинную особенность мгновенно изменяться*... сейчас сидел простой, неграмотный мужичок, грубоватый, почесывающийся, и язык у него еле шевелится, и слова ползут неповоротливо... и вдруг превращается он во вдохновенного пророка... и... новый скачок перевтыша, и с диким звериным сладострастием скрипят белые зубы, из-за тяжелой завесы морщин бесстыдно кивает какой-то хищный, безудержный, как молодой зверь... и вот уже... на месте распрясанного охальника сидит серый сибирский странник, тридцать лет ищущий Бога по земле», — вспоминала Жуковская.

Но главная его тайна, которую я никак не мог понять, — это ослепление Царской Семьи.

«Старец» — так называла Распутина императрица Александра Федоровна. Но как она, прочитавшая множество книг о православии, знавшая жития знаменитых старцев, могла называть «старцем» мужика, погрязшего в блуде и пьянстве? Она не верила рассказам о нем? Не верила — кому? Придворным? Это понятно. Отчетам полиции? Это объяснимо. Не верила Романовской семье? Матери мужа-царя не верила? Это объяснить труднее, однако все-таки можно. Но как она могла не верить своей сестре? Любимой и воистину святой старшей сестре

Эле, с которой была так близка? А может быть, она попросту *не хотела* верить?

А сам царь? Почему он соглашался с ослепленной женой? Неужели все дело было в том, что Распутин спасал их больного сына? И этого достаточно, чтобы возникло восторженное поклонение, точнее — обожествление? Чтобы возник пугающий симбиоз: религиознейшая семья, однолюбы царь и царица, их чистые дочери — и рядом похотливый мужик, чьи проделки были притчей во языцех? Неужели здоровье ребенка заставило их молчаливо согласиться на уничтожение престижа династии, на неминуемую катастрофу, о которой им все без исключения твердили? Согласиться забыть свой долг перед страной?

Тогда пойдем и пожалеем добрых и несчастных родителей. Но как относиться к властителям — виновникам катастрофы, постигшей Россию в 1917 году и унесшей не только их жизни, не только жизнь их мальчика, но жизни миллионов их подданных?

Или была какая-то совсем *иная* причина их удивительной веры в этого человека? Совсем *иное* объяснение его поступков?

В начале века, когда всплыл страшный труп, все было так ясно: Распутин — слуга Антихриста. Так говорила тогда и верующая, и неверующая Россия... чтобы спустя 80 лет вновь задавать себе вопрос: кто же он все-таки был — Григорий Ефимович Распутин?

ТЮРЕМНЫЙ «БАЛ»

Я давно понял: только когда найду «То Дело» — смогу попытаться ответить на этот вопрос. Я знал, что «То Дело» должно существовать.

В 70-х годах, когда я писал книгу о Николае II, мне, естественно, приходилось обращаться к бумагам Чрезвычайной комиссии Временного правительства.

В марте 1917 года, после победы Февральской революции, в казематах Петропавловской крепости стало многолюдно. Сюда, в камеры русской Бастилии, где при царе сидели политические преступники, были доставлены те, кто их туда сажал. Люди, еще недавно вершившие судьбы России — бывшие премьер-министры Штюрмер и Голицын, министр внутренних дел Протопопов, руководитель департамента полиции Белецкий и сменивший его на этом посту Васильев, министр двора престарелый граф Фредерикс, председатель Государственного Совета Щегловитов, дворцовый комендант Воейков, ближайшая под-

руга царицы Вырубова, и прочие, и прочие, — собрались в крепостных камерах, вечно сырых от наводнений. Как напоминало это общество недавние балы в Зимнем дворце..

4 марта 1917 года Временным правительством была образована «Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского режима». И теперь в Зимнем дворце, куда столь недавно министры являлись в орденах и лентах, заседал Президиум Комиссии, а следователи выезжали вести допросы в Петропавловскую крепость. Протоколы обрабатывал первый поэт России — Александр Блок. В своих записных книжках он описал и атмосферу допросов, и Зимний дворец с пустым тронным залом, «где вся материя со стен была содрана, а трон убран, потому что солдаты хотели его сломать».

Протоколы допросов готовились к изданию — вся страна должна была узнать, что же творилось там — за кулисами режима, в таинственном Царском Селе. И одним из главных вопросов, на который должна была ответить Комиссия, был вопрос о деятельности полуграмотного русского мужика Григория Распутина.

«13-Я ЧАСТЬ»

Президиум Комиссии и 27 ее следственных частей с марта 1917 года и вплоть до Октябрьского переворота вели непрерывные допросы своих блестящих заключенных.

Особая следственная часть, имевшая выразительный номер 13, специально занималась «обследованием деятельности темных сил». На политическом жаргоне того времени «темными силами» именовались Распутин, царица и приближенные к ним лица. Влияние Распутина на бывшего царя — вот что было основным содержанием работы 13-й части. Во главе ее стоял Ф.П. Симсон — бывший председатель Харьковской судебной палаты. Допросы вели однофамильцы Владимир и Тихон Рудневы и Григорий Гирчич, следователи, прикомандированные к Комиссии из провинциальных судов (тут идея была: провинциальные следователи не связаны с находившейся под следствием столичной правящей верхушкой).

А потом грянул переворот, и захватившие власть большевики покончили с Временным правительством. И вчерашние министры отравились в те же камеры Петропавловской крепости. Там их не без

юмора встретили царские министры, которых они так недавно туда посадили...

Прекратили большевики и деятельность Чрезвычайной комиссии. Но часть допросов важнейших царских министров все же решили опубликовать к 10-летию революции. Издание должно было «показать маразм царской власти», которой руководил невежественный развратный мужик Григорий Распутин.

К тому времени обрабатывавший стенограммы допросов Александр Блок уже умер (но успел увидеть, как «мировая революция превратилась в грудную жабу»). Издание осуществил один из самых видных деятелей Комиссии П. Щеголев. До революции он был редактором знаменитого журнала «Былое». Этот печатный орган «совсем революционного настроения» не раз закрывался царскими властями. Лев Толстой говорил: «Если бы я был молод, то после чтения «Былого» я взял бы в обе руки по револьверу»... При царе Щеголев успел побывать и в камере Петропавловской крепости, где впоследствии сам допрашивал посадивших его туда. Но после прихода большевиков вчерашний неподкупный Щеголев весьма переменился — стал послушным помощником новой власти, выступал экспертом на процессах, устроенных большевиками.

Семь маленьких томиков «Протоколов Чрезвычайной следственной комиссии» — вот и все, что было опубликовано Щеголевым из огромного материала допросов. Эти томики и стали на долгие годы главной документальной основой всех книг, написанных о Распутине.

ИСЧЕЗНУВШЕЕ «ДЕЛО»

Только спустя почти четыре десятка лет к ним прибавился еще один поразительный документ о Распутине, и тоже из материалов Комиссии.

В 1964 году вышел сенсационный номер журнала «Вопросы истории», и его жадно читали тогда не только специалисты. Там впервые начали печатать «Постановление следователя Чрезвычайной комиссии Ф. Симсона о деятельности Распутина и его приближенных лиц и влиянии их на Николая Второго в области управления государством», хранившееся прежде в секретной части Архива Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации). Это «Постановление» и было итогом работы 13-й части.

Я прочел этот номер позже, когда начал работать над книгой о Николае II. Содержание «Постановления» произвело ошеломляющее впечатление. В нем Симсон щедро цитировал показания лиц из ближайшего окружения Распутина: его издателя Филиппова; его друга Сазонова, на квартире которого проживал Распутин и с женой которого он находился в самых тесных отношениях; знаменитой Марии Головиной — верной обожательницы Распутина, ставшей невольной причиной его гибели; петербургских кокоток, с которыми мужик был связан нежными узами; и так далее...

Но в изданных Щеголевым «Протоколах» все эти показания отсутствовали. Ибо это были показания людей, *любивших Распутина*, чья точка зрения была неприемлема для Щеголева.

Впрочем, вырванные цитаты, которые приводил в своем отчете Симсон, мало что меняли. В «Постановлении» он старательно защищал ту же идею, которую проводил Щеголев в своей публикации: рисовал все тот же образ развратного мужика, обезумевшего от пьянства и вседозволенности, который руководил и Царской Семьей, и согласившимися прислуживать фавориту коррумпированными министрами.

Было ли это всей правдой показаний, полученных в 13-й части? Я имел право усомниться, ибо к тому времени уже знал о непримиримых разногласиях внутри Комиссии. Один из следователей, Владимир Руднев, демонстративно покинувший Комиссию, уже в эмиграции написал о причинах своего ухода: «В августе 17 года я подал прошение об отчислении меня *ввиду попыток председателя Комиссии Муравьева побудить меня явно к пристрастным действиям*».

И я отправился в архив, чтобы целиком прочесть показания, которые так пристрастно цитировал Симсон. Каково же было мое изумление, когда в фонде Чрезвычайной комиссии я их не нашел.

Эти документы исчезли.

Итак, исчезли показания ближайших друзей Распутина. А ведь в них-то, возможно, и было самое интересное! Ведь эти показания давали люди, видевшие его каждый день, те, кто согласились в силу каких-то причин преданно служить ему. В них могла быть разгадка — подлинный портрет, который я для себя уже назвал «Живой Распутин»...

Эти исчезнувшие показания и стали для меня «Тем Делом». Так началась моя охота за документами.

ПИСАТЕЛЬ ГРИГОРИЙ РАСПУТИН

В архиве я нашел довольно скудный «фонд Распутина». В нем были знаменитые телеграммы, которые он посылал царю и царице. Заботливо сохраняемые ими вплоть до революции, они были изъяты Чрезвычайной комиссией и впоследствии неоднократно публиковались в разных изданиях.

И там же я нашел некие загадочные и никогда не печатавшиеся телеграммы, посланные Распутину за подписью «Душка». Эти телеграммы (к которым мы еще вернемся) проливают особый свет на отношения Распутина и царицы...

Там же хранились и произведения самого Распутина — и самое сильное, самое таинственное, так и не изданное при его жизни «Житие опытного странника». И еще три (опубликованных прижизненно): «Великие торжества в Киеве» (во время этих торжеств был убит премьер Столыпин), «Благочестивые размышления» (сборник поучений) и «Мои мысли и размышления» (рассказ о поездке в Иерусалим). Разумеется, малограмотный Распутин сам их не писал. Он говорил, а некто за ним записывал (и с любовью записывал!). Мы еще вернемся к удивительному соавтору (точнее — соавторше) Распутина...

Изданные сочинения после революции были изъяты из библиотек и переправлены в закрытые хранилища. Они цитировались в книгах иностранных авторов о Распутине. Но его сильная, народная русская речь меркнет при переводе. Переводить его должен поэт.

Можно представить обольщение, которое испытывали слышавшие эту речь, видевшие «пронзительные волчьи глаза»... И опасные прикосновения его «электрических» рук — он часто дотрагивался до собеседников во время поучений...

ФАЛЬШИВЫЕ ДНЕВНИКИ

И тогда же в архиве я нашел «Дневник Распутина». С подзаголовком: «писанный под его диктовку Крамер Л. П.» Неопубликованный дневник Распутина! Это было счастье! Но восторг погас быстро. Многие истории и их герои в этом дневнике совпадали с тем, что я уже прочел в щеголевских «Протоколах». И все, что доказывала тогда

большевистская историческая наука: разврат «старца», продажность высшего петербургского общества, жалкий тупой царь — все старательно было собрано в дневнике.

Вот Распутин поучает царя — стучит кулаком, объясняет глупому самодержцу загадку русского народа: «Ты как учить мужика думаешь? Через жопу?.. Жопу ему драть хочешь, а в голове у него такая злоба вырастет...» И далее поясняет: «С царями... (так Распутин называет императорскую чету. — Э.Р.) не разумом надо, а духом... Они разума не понимают, а духа боятся...» Повелевает он и покорной царицей: решил Распутин заключить мир с немцами, и она благоговейно становится перед ним на колени, обещает немедля сделать... И конечно же — разврат с «прогнившей аристократией»: «Повезла мама (царица. — Э.Р.) меня к Кусихе (баронессе Кусовой. — Э.Р.) в Павловск... Там еще генеральша была... Липучие они обе, как мухи... Сама ко мне липнет, а все боится, как бы не узнали.

Да, это была всего лишь идеологическая подделка. Недаром в подзаголовок «писанный под его диктовку» позже кем-то было стыдливо вставлено слово «якобы» — «якобы писанный под его диктовку».

Определить авторов этого документа нетрудно. Ибо они уже успели прославиться подобной подделкой, имевшей в те годы фантастический успех у читателей.

В 1927 году на страницах журнала «Минувшее» начал печататься «Дневник Вырубовой». Вся страна с упоением читала этот дневник, раскрывавший интимные подробности «разложения режима, так недавно правившего Россией».

Правда, очень скоро поползли слухи, что Вырубова тут была совершенно ни при чем. Авторами занимательной подделки называли двух знаменитостей: все того же издателя «Протоколов Чрезвычайной комиссии» Щеголева и известного писателя Алексея Толстого («красного графа», как часто его звали).

До этого Щеголев и Толстой уже успели вдвоем сочинить нечто похожее. Это была пьеса «Заговор императрицы» — о попытке Распутина произвести дворцовый переворот и сделать правительницей страны Александру Федоровну. Пьеса имела «анафемский успех» в Москве и Ленинграде, шла там одновременно в шести театрах.

И в 1927 году, когда праздновалась десятая годовщина падения царского режима, мощная идеологическая кампания по дискредитации царизма не смогла обойтись без Щеголева и «красного графа» (и

они — без нее). Это был типичный социальный заказ: Щеголев предоставил материалы, Толстой написал — так появился лжевырубовский дневник. И огромный его успех, видимо, подсказал новую работу — «Дневник Распутина» должен был стать продолжением «Дневника Вырубовой». Однако благодаря общительному (и часто пьяному) «красному графу» история фальшивки перестала быть тайной, так что об издании «продолжения» нечего было и думать. И, возможно, тогда ценивший литературные мистификации Щеголев и отдал «Дневник Распутина» в архив — пусть полежит до лучших времен...

И подделка осталась пылиться в архиве.

НЕДРЕМЛЮЩЕЕ ОКО ПОЛИЦИИ

Но, пожалуй, самыми забавными документами о Распутине, которые я прочел тогда в архиве, были тома донесений агентов полиции, наблюдавших за ним. Эти «агенты наружного наблюдения» должны были ежедневно писать отчеты обо всех передвижениях Распутина по городу, опознавать и описывать его бесчисленных посетителей (которые тут же попадали, как в капкан, под надзор полиции). Отмечались любые отлучки Распутина из квартиры, время его возвращений, адреса визитов и встречи по дороге. Ни один государственный деятель того времени не имел такого подробного «жизнеописания», как полуграмотный мужик Григорий Распутин...

Но находящиеся в архиве тома — всего лишь жалкие остатки. Часть полицейских документов погибла во время Февральской революции, когда горели охранные отделения, часть уничтожили сами высокие чиновники, ибо они тоже посещали Распутина, и он бывал у них. Министр внутренних дел Хвостов показал в Чрезвычайной комиссии: «При оставлении мной должности Штюрмер (премьер-министр. — Э.Р.) брал к себе документы, особенно о Распутине... главный интерес был к ним. *Все тут же сожглось*»...

Но и оставшиеся донесения раскрывают безумную мозаику распутинских дней — посещения ресторанов и цыганских хоров, встречи с министрами и политическими деятелями, пикантные сцены на кухне, подсмотренные агентами из-за отсутствия занавесок, мешанина его посетителей: кокотки, княгини, банкиры, дельцы, набожные почитательницы... Все фиксируют агенты: имена, время прибытия и ухода дам (подчас после ночи с мужиком)...

ЕЩЕ ОДИН ДНЕВНИК

Но исчезнувшее «То Дело» не выходило у меня из головы. После начала перестройки я возобновил поиски. В начале 90-х тщетно искал его в Петербурге.

В Историческом архиве, расположившемся в роскошных зданиях бывших Сената и Синода (куда столь многих назначил простой мужик), из распутинских документов сохранилась только маленькая ученическая тетрабочка с портретом Пушкина и надписью «Дневник» (то бишь «Дневник»). В свое время обнаружение этой тетрабочки вызвало волну статей в крупнейших газетах мира: найден дневник Распутина! На самом же деле наш герой заносил в эту тетрабочку (чудовищными каракулями) свои поучения. Название «Дневник» он, видимо, дал для важности, зная, что и царь, и царица ведут дневники.

И наконец в бывшем Музее Революции, помещавшемся в особняке балерины Кшесинской, я увидел еще одну сенсацию последнего времени: обнаруженные в 90-х годах фотографии из следственного дела об убийстве Распутина. Это вид двора Юсуповского дворца, по которому в декабрьскую ночь 1916 года бежал Распутин, пытаясь спастись от своих убийц, и фотографии его трупа, вытасченного из реки, — изувеченного лица с запекшейся кровью и обнаженного тела с пулевыми отверстиями. Сам протокол вскрытия тела еще в 30-е годы хранился в Военно-медицинской академии, но вдруг таинственно исчез. Впрочем, тогда исчезали не только документы. Вскоре исчезли и многие сотрудники, которые видели этот акт, — было время террора... Правда, осталось официальное свидетельство о сожжении трупа Распутина после Февральской революции.

Все это было интересно, но.. никаких следов пропавших документов из 13-й части — следов «Того Дела» — я по-прежнему не нашел.

«БОЛЬШАЯ ГРУДА ПЕПЛА»

В начале 90-х годов вышла моя книга о Николае II. Не обладая достаточным количеством материалов, я писал в ней о Распутине мало и осторожно. Тогда же на телевидении появилась моя передача «Загадки истории». После выхода книги на меня обрушился

поток писем с просьбами сделать передачу о Распутине. И я решился снять историю его гибели.

Я попытался найти для передачи хоть какие-нибудь новые свидетельства о нем — помимо бесконечно цитируемых и переходящих из одной книги о Распутине в другую. Тогда я и вспомнил о рукописи, которую студентом видел в Архиве литературы и искусства. Это были воспоминания Веры Александровны Жуковской, молодой писательницы (родственницы знаменитого ученого Н.Е. Жуковского), о ее встречах с Распутиным. Однако эротика этих воспоминаний, весьма напоминая романы Арцыбашева, заставляла подозревать, что все это — литературный вымысел. Желание проверить подлинность фактов в рукописи заставило меня вспомнить о «Том Деле»...

Ибо, как писала Жуковская, попасть к «старцу» ей помог Александр Степанович Пругавин, знаменитый знаток русского сектанства. Более того, она утверждала, что впоследствии сама приводила Пругавина к Распутину. Как легко можно было проверить достоверность ее истории! Ведь показания Пругавина о Распутине цитировались в постановлении Симсона, значит, они были и в «Том Деле»... Я должен был его найти!

Работая над передачей, я, естественно, думал и о бумагах Вырубовой. Несколько ее допросов опубликованы в щеголевских «Протоколах», но их должно было быть куда больше. Ибо, как отмечал следователь Руднев, 13-я часть «обратила особое внимание» на деятельность ближайшей подруги царицы и главной почитательницы «старца».

После гибели Распутина Вырубова жила вместе с Царской Семьей в Александровском дворце. В конце февраля 1917 года, когда восставшая толпа уже заполнила улицы столицы, наследник и великие княжны заболели корью. Заразившись от них, Подруга лежала в жару, без сознания. Очнулась она уже в осажденном дворце, безнадежно тонувшем в море революции. Света не было, лифт не работал, царица металась между больными. Но едва оправившись, Вырубова начала жечь свои бумаги...

В конце марта Вырубову арестовали. Она предстала перед Чрезвычайной комиссией. В опубликованных показаниях на вопрос следователя: «Почему вы сожгли целый ряд документов?» она ответила: «Я почти ничего не жгла... сожгла только несколько последних писем императрицы, не хотела, чтобы они попали в посторонние руки».